
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 165.6/8

ОППОЗИЦИЯ РАЦИОНАЛИСТСКИХ И ЭМПИРИСТСКИХ ЛИНГВОФИЛОСОФСКИХ ПРОЕКТОВ НОВОГО ВРЕМЕНИ

А. В. Нехаев

Омский танковый
инженерный институт
им. П.К. Кошерева

e-mail:
A_V_Nehaev@rambler.ru

В статье предпринимается детальный анализ оснований оппозиции рационалистских и эмпиристских лингвофилософских проектов, а также исследуется влияние содержащихся в них идей на проблемное поле современной философии языка.

Ключевые слова: рационализм, эмпиризм, язык, мышление, лингвофилософия.

Целями данного исследования являются, прежде всего, установление оснований и характера оппозиции двух наиболее ярких лингвофилософских проектов Нового времени: рационалистского и эмпиристского, – а также выявление в них тех идей, которые, получив систематическую разработку, позднее, пусть и в существенно модернизированной форме, вошли в состав проблемного поля современной философии языка.

Многочисленные варианты лингвофилософских учений Нового времени характеризуются выработкой совершенно особого понимания природы отношений мышления и языка. Вслед за тончайшими и технически изощренными исследованиями схоластов акцент философского интереса постепенно смещается в сторону поиска необходимых и всеобщих оснований всякой познавательной деятельности, в этих условиях возникают и получают систематическое оформление рационалистские и эмпиристские доктрины, в которых последовательно оформляется основная проблема всех теоретико-познавательных и логико-семиотических исследований Нового времени, заключающаяся в попытке установить и определить характер отношений, существующих между идеями разума, в контексте той опосредующей роли, которая исполняется языком и означающими практиками. Тем самым предпринимаемые как рационалистами, так и эмпиристами детальный анализ, а также критика механизмов познания требовали, помимо прочего, признания того, что любого рода мыслительные процессы протекают в языке.

Рационалистический лингвофилософский проект, отстаиваемый Декартом, аргументируя в пользу идеала единого знания – *sapientia humana*, остающегося самостоительным вне зависимости от того, на какие многочисленные и многообразные предметности оно бы ни простиралось, в контексте предпринимаемого анализа природы языка, имеет намерение найти также и доводы в пользу *lingua universalis*, поскольку подобно тому, как все случаи познавательной деятельности, действительно заслуживающие этого статуса, оказываются проявлением одной и той же основной формы познания – *ratio*, так

и в основе всякой знаковой деятельности должна лежать одна универсальная и обусловленная разумом форма языка, безусловно, скрываемаемая множеством и разнообразием знаков, используемых мышлением, но, тем не менее вполне интеллигибельная, так как человеческое сознание как целое, вместе со всеми возможными элементами его содержания, является строго упорядоченной структурой, – которая по сути есть то, что принято называть *картезианским субъектом*, рассматриваемого как носитель «когитального», долингвистического, сознания, то есть как *Ego*, или центр эпистемической рефлексии и источник трансцендирующей познавательной активности, воплощенный для классического рационализма в рассудочном мышлении, – именно поэтому из относительно ограниченного числа языковых знаков, если только сочетать их по определенным универсальным правилам – *grammatica universalis*, – содержащей принципы организации языка, которые в рационалистической концепции считаются обусловленными универсальными свойствами разума, – можно построить всю систему языка, позволяющую дать исчерпывающее обозначение всей совокупности содержательных элементов мышления и их структуры¹.

В этой связи, отнюдь не случайным оказывается то, что одна за другой появляются системы разнообразных искусственных универсальных языков, – в частности, проекты *lingua universalis* Дальгарно, Уилкинса, Траси, Жерандо, Ланслена и Кондорсе, – чрезвычайно различных по форме, но совпадающих по основной идее и принципу их построения, поскольку любая из них исходит из того, что, во-первых, число понятий ограничено, и, во-вторых, каждое из этих понятий находится с другими в определенном предметном отношении, то есть или включается в них, или связано с ними иерархическими отношениями, а, следовательно, цель языка, трактуемого как подлинный *lingua universalis*, заключается в том, чтобы адекватно выразить в некоторой системе знаков предполагаемую естественную иерархию понятий². При этом необходимо отметить, что все эти системы сознательно игнорировали трудности, связанные с нахождением такого рода «естественного» порядка основных понятий, а также исчерпывающим и однозначным определением их взаимоотношений, поскольку чисто методологическая проблема обозначения понятий для них подменялась чисто технической. Иными словами, для них оказывается вполне достаточным принять за основу какую-либо чисто условную схему понятий и приспособить ее путем прогрессирующей дифференциации для выражения конкретных содержательных элементов мышления и чувственного представления, избегая тем самым того, что намного позднее, в своем проекте генеративной грамматики, попытается разрешить Хомский³, создав систему универсального языка, в соответствии с которой при помощи ограниченного набора грамматических по своей сути правил может быть образовано, употреблено и понято бесконечное число предложений, хотя, безусловно, подобного рода идеи высказывались еще Блумфилдом, указывавшим, что в нормальном, или естественном, языке «...возможности сочетания практически бесконечны...», поскольку говорящий производит новые формы «...по аналогии со сходными формами, которые уже встречал...»⁴.

В свою очередь, лейбницевский проект рационалистской лингвофилософии помещает проблему языка в логицистский контекст создания универсальной логики, что непосредственно было связано с поиском аналитического инструментария, позволяющего исследовать различие между *истинами разума*, выражающими необходимые суждения, доказуемые либо с помощью одного только закона противоречия⁵, либо одного только закона тождества, и *истинами факта*⁶. Соответственно, язык должен быть не просто произвольной системой знаков, но призван отображать истинные сущностные параметры вещей, а это требует логического анализа содержательных элементов мышле-

¹ Декарт Р. Рассуждение о методе // Сочинения. – СПб., 2006.

² Бирюкова Н.Б. Логическая мысль во Франции XVII – начала XIX столетий: Французские предвосхищения идей математической логики. – М., 2006.

³ Хомский Н. Вопросы теории порождающей грамматики // Философия языка/Ред.-сост. Дж. Сёрль. – М., 2004.

⁴ Блумфилд Л. Язык. – М., 2002.

⁵ Пап А. Семантика и необходимая истина: Исследование оснований аналитической философии. – М., 2002.

⁶ Лейбниц Г.В. Новый опыт о человеческом разумении // Сочинения в 4 т. – М., 1982. – Т. 2.

ния. Разделяя картезианское требование создания *lingua universalis*, которое оказалось особенно подкреплено возможностями, предоставляемыми математическим анализом и комбинаторикой, Лейбниц предлагает, вместо того, чтобы исходить из более или менее случайного членения всей массы понятий, рассмотреть содержание познавательного процесса как комплекс, выстроенный из определенных элементарных составляющих – первичных идей. При этом оба процесса разложение на первичные идеи и их обозначение могут и должны осуществляться по одному принципу, заключающему в себе единую универсальную методику, возникающий, казалось бы, вследствие этого порочный круг, когда форма действительно универсального языка предполагает, с одной стороны, в качестве предпосылки наличие знания с определенными содержательными и структурными параметрами и, с другой стороны, именно этот универсальный язык должен быть инструментом, с чьей помощью эта структура постигается, который размыкается для Лейбница постольку, поскольку в данном случае речь идет не о двух отдельных задачах, решаемых в определенной последовательности, но скорее о том, что обе эти задачи мыслятся как объективно взаимозависимые, поскольку всякое выделение логической единицы и всякая логическая дифференциация, прорабатываемая мышлением, существует с действительной ясностью и четкостью лишь тогда, когда они закреплены в особом знаке, тем самым утверждается принцип корреляции между структурами языка и структурами мысли, согласно которому прогресс в обеих областях – анализа идей и создания знаков – движется их взаимодействием и осуществляется совместно.

Необходимо отметить, что в дальнейшем рационалистская картезианско-лейбницевская линия лингвофилософского анализа была поддержана логико-грамматическими исследованиями Пор-Рояля. Так, в частности, ключевое положение рационализма, согласно которому *язык есть определенная система выражения мыслей посредством употребления знаков*, специально изобретенных для этой цели, в полной мере разделялось грамматиками Пор-Рояля⁷. Как следствие, основной задачей логико-грамматических исследований для школы Пор-Рояля объявляется изучение способов точного выражения мыслей согласно универсальным законам логики. При этом понимание того, что структура высказывания не является простым отражением структуры мысли, в качестве которой рассматривается прежде всего суждение, повлекло за собой неизбежное расслоение семиотического процесса, наложение на него определенных ограничений, проявившееся в постулировании для знакового мышления поверхностных и глубинных структур, из которых последняя, – обозначаемая в логике Пор-Рояля как «приходящее» предложение, – приравниваясь к структуре мысли, выступает в форме некоторой пропозиции или логического суждения, не прошедшего еще стадию «полагания», то есть трактуется как своего рода скрытая компетенция говорящего не находящая манифестации в речи⁸.

Таким образом, вклад рационализма в разработку проблематики, связанной с изучением функций мышления, взятого в контексте опосредующей роли языка, весьма существенен и разнообразен, хотя вместе с тем нет сомнений, что основным его лингвофилософским принципом, нашедшем свою дальнейшую разработку в рамках современных доктрин, исследующих знаковое мышление и дискурсивную деятельность⁹, оказалась идея о том, что *первейшая функция языка заключается в выражении мысли, в то время как коммуникативная функция, предполагающая донесение мысли до Другого, отнюдь не отрицаясь, рассматривается как нечто второстепенное, как один из внеструктурных эффектов употребления языка*.

Иной путь рассмотрения языка избрали лингвофилософские проекты эмпиризма Локка, Гоббса и Беркли, в соответствии со своей основной тенденцией, стремящиеся понять данность языка в его простой фактологии, или данности, ориентируясь лишь на его эмпирически определяемые истоки и цели, вместо того, чтобы, подобно рационализму,

⁷ Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить. – М., 1991.

⁸ Бирюкова Н.Б. Логическая мысль во Франции XVII – начала XIX столетий: Французские предвосхищения идей математической логики. – М., 2006.

⁹ Делёз Ж. Логика смысла. – М., 1995., Делёз Ж. Различие и повторение. – СПб., 1998., Деррида Ж. Письмо и различие. – М., 2007., Кристева Ю. Σημειωτική. Исследования по семанализу // Избранные труды. – М., 2004.

соотносить знаковую природу языка с каким-либо логическим или метафизическим идеалом. Однако вместе в тем, стараясь не растворять язык в тех или иных, будь то логических или метафизических, структурах, а пытаясь анализировать знак лишь в контексте его собственных психологических составляющих, эмпиризм тем не менее вслед за рационализмом в своих исследованиях языка разделяет одну существенную предпосылку, а именно он изначально рассматривает язык исключительно как средство познания.

Основная исследовательская интенция эмпиризма, – заключающаяся в утверждении, согласно которому *в разуме нет и не может быть ничего, что не было бы первоначально дано в ощущениях*, – взятая в отношении когнитивной деятельности, предполагает, что весь материал своего познания, который складывается из так называемых *простых идей*, то есть наиболее ясных элементарных структур, человек черпает либо из чувственного восприятия, либо из рефлексии, но вместе с тем данная интенция также подчеркивает, что вопрос о значении и происхождении понятий не отделим от вопроса о происхождении их обозначений, поскольку именно понимание того, насколько велика зависимость наших имен от обыкновенных чувственных идей позволяет приблизиться к источнику всех наших понятий и всего нашего познания. Тем самым оказывается сформулирован основной систематический принцип, с которым непосредственно или опосредованно соотносится любое обсуждение проблемы языка в рамках эмпиризма и который устанавливает, что анализ языка не является самоцелью, – так как любые языковые обозначения никогда не служат непосредственно для выражения самих вещей, а соотносятся исключительно с идеями, то есть с собственными представлениями, познающего субъекта, – но должен послужить лишь пропедевтическим средством для решения основной проблемы – анализа идей.

Опираясь на это утверждение, эмпиризм подчеркивает по сути то, что в единстве имен, обозначающих некоторую совокупность предметов, никогда не выражается природа самих предметов, но находит отражение лишь субъективная привычка, помогающая сознанию осуществлять обобщение своих простых чувственных идей, более того, такого рода обобщение никак не связано с каким-либо субстанциональным прообразом или какой либо «реальной сущностью» вещей, поскольку в нем вполне возможен акцент на том или ином содержании сознания, объединяющий в общие комплексы те или иные группы простых элементов, и, в зависимости от того, как расположились при этом линии соприкосновения и дифференциации, могут быть выделены различные классы языковых понятий и значений, тем не менее, всегда являющихся лишь отражением самой этой субъективной процедуры соединения и расчленения, но не объективных характеристик мира и его строения в соответствии с вполне определенным реальным положением дел. Как следствие, эмпиризм явно или неявно элиминирует противопоставление номинальной и реальной дефиниции, то есть объяснения слова и объяснения вещи, так как любое определение может претендовать лишь на то, чтобы быть описанием имени вещи, но не описанием ее онтологического статуса и онтологического состояния. Таким образом, оказывается не известна не только природа каждой сущности в отдельности, но, в свою очередь, невозможным становится связать какое-либо определенное представление о ней с общим понятием того, чем должна быть некая вещь сама по себе. Соответственно, единственное понятие «природы» вещи, с которым можно связать ясный смысл, обладает не абсолютным, а лишь относительным значением, так как оно включает в себя соотносительность с самим познающим субъектом, а точнее его психической организацией и познавательными возможностями, и именно поэтому определить «природу» той или иной вещи, согласно эмпиристской доктрине, предполагает не что иное, как выделение содержащихся в ней и входящих в ее общее представление в качестве составляющих простых идей. Тем самым реактуализованная, казалось бы, эмпиризмом античная проблема – *ορθότης τῶν ὀνομάτων*, то есть проблема «правильности имен», решается строго негативно, поскольку сам вопрос о соответствии вещи своему имени оказывается лишен всякого смысла, ведь если имена – это знаки понятий, а не знаки самих предметов, то всякий спор о том, обозначают ли они материю или форму вещей, или же нечто составленное из того и другого, теряет какую-либо значимость.

Однако вместе с этим, чем более последовательно эмпиризм интерпретирует язык не как выражение вещей, а как выражение понятий, тем с большей определенностью и необходимостью перед ним возникает дилемма, заключающаяся в том, что не искажает ли такая знаковая система, как язык, «действительные» элементы мира, вместо того чтобы их просто обозначать.

Отсюда становится вполне объяснимым и сам характер той эволюции, которую претерпел эмпиристский лингвофилософский проект, если для эмпиризма в трактовке Локка познание, как бы он не подчеркивал, что в его основании лежат частные данные внешнего и внутреннего восприятия, надделено все же тенденцией к «общности», и эта тенденция познания к общему встречается с общим характером языкового знака, то есть «абстрактное имя» используется для выражения «абстрактной общей идеи», которая, кроме того, еще и признается в качестве психической реальности особого рода, обладающей самостоятельным значением¹⁰, то для версии эмпиризма, принадлежащей Гоббсу, «общее» как в области идей, так и в области реальных вещей не надделено сколько-нибудь обоснованным присутствием. По сути, Гоббс, полностью разделяя основные положения эмпиризма в том, что нет ни одного понятия в человеческом уме, которое не было бы порождено первоначально, целиком или частично, в органах ощущения, сознательно помещает их в последовательный номиналистический контекст, – тем самым фактически отождествляя мышление с языком, – и именно в нем он и развивает собственную знаковую концепцию языка, стремясь истолковать «общее» лишь как языковой знак, и коль скоро все существующие вещи единичны, то в мире нет ничего общего, кроме имен, которые суть знаки не вещей самих по себе, а только наших мыслей о них. Иными словами, «...между именами и вещами нет никакого сходства и недопустимо никакое сравнение»¹¹. Более того, усиливая это номиналистское положение, Гоббс склонен не только оторвать имя-знак от понятия, но и их противопоставить, поскольку наиболее «общие» понятия оказываются лишь абстрактными именами – *именами-имен*. Одновременно с этим отрицание онтологического статуса «общего» приводило Гоббса и к отрицанию достоверности находящегося вне сознания объективного содержания когнитивной деятельности, ведь «...истина – свойство не вещей, а суждений о них...»¹², а именно *verum et falsum attributa sunt non rerum, sed orationis; ubi autem oratio non est, ibi neque verum et neque falsum*, то есть истина и ложь суть атрибуты речи, а не вещей, а там, где нет речи, нет ни истины, ни лжи. Отсюда отнюдь не случайным является то, что для Гоббса в целом очень сильной оказывается именно логико-семиотическая составляющая учения о первых принципах всякого познания, поскольку создание системы имен есть не только предварительное условие всякой системы знания, но и всякое истинное знание восходит в таком сотворении имен и их соединении к положениям и суждениям. При этом если обратиться к рассмотрению процесса постепенного оформления всего корпуса исследований природы означающей деятельности в область самостоятельного изучения – семиотику, то следует особо подчеркнуть роль и значение, которые приобретает номиналистическая интенция, содержащаяся в лингвофилософском проекте эмпиризма. Так, именно эмпиристы создают все необходимые предпосылки для утверждения, согласно которому номиналистский язык в принципе достаточен для выражения всего комплекса истинных знаний, хотя, в явном виде они этого, – пожалуй, кроме Гоббса, наиболее последовательно отстаивавшего номиналистические интуиции, – не делают, избегая тем самым целого ряда трудностей, связанных с использованием номиналистического языка, и, в частности, проблем, возникающих при номиналистском переводе интенциональных высказываний, поскольку номиналистский язык есть прежде всего такой язык, который не содержит никаких имен, кроме имен конкретных предметов или индивидуальных переменных, то есть, иными словами, структура языков данного типа в целом соответствует структуре функционального исчисления первого порядка, обогащенного именами конкретных предметов и приложимых к ним предикатов, в то время как интенциональные высказывания, включают в себя имена, или переменные с соответствующей областью изменения, обозначающие абстрактные сущности – универсалии или же суждения¹³. Продолжая, явно или неявно, еще схоластическую традицию номинализма, Гоббс утверждает, что используемый мышлением знак является по сути именем – *nomina*, которое всегда условно по отношению к вещи, поскольку взятая сама по себе условность имени выражается прежде всего в его способности играть роль произвольной, а стало быть индивидуальной и субъективной, метки – *nota* –

¹⁰ Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Сочинения в 3 т. – М., 1985. – Т. 1.

¹¹ Гоббс Т. О теле // Сочинения в 2 т. – М., 1989. – Т. 1.

¹² Гоббс Т. О теле // Сочинения в 2 т. – М., 1989. – Т. 1.

¹³ Гудмен Н. На пути к конструктивному номинализму // Факт, фантазия и предсказание. – М., 2001.

по отношению к любого рода предметности, которая в конвенционально определяемой системе языка становится именем-знаком – *signa*¹⁴. Тем самым эмпиризму удается утвердить знак и означивающую деятельность в виде особой реальности, принципиально подлежащей специальному анализу. Ведь признавая, что любого рода предметности существуют как единичные реалии, о которых нам свидетельствуют конкретные единичные чувственные ощущения, Гоббс тем не менее заостряет внимание на том, что сами по себе ни единичная вещь, ни единичное ощущение не могут составить истинный предмет когнитивной деятельности, поскольку любое знание, имеющее право так именоваться, стремится вместо эмпирического знакомства с «частным» достичь необходимого познания «общего». Именно поэтому, – если всякая чувственность исчерпывается фактическим, а, в свою очередь, любая когнитивная деятельность имеет дело с общими связями и дедуктивными отношениями, прилагаемыми познавательной способностью рассудка только к тем содержательным единицам, которые не даны ему извне, подобно вещам или чувственным ощущениям, но которые он сам *создает*, свободно порождая из себя, и самым подходящим для целей познания инструментом может быть исключительно *знак*, представляющий собой – в соответствии с гоббсовским номиналистским подходом к языку – *необходимое условие понятийной деятельности рассудка в целом*.

Вместе с тем, попытки согласовать исследования природы означивающей деятельности с признанием недостоверности находящегося вне сознания объективного содержания познания привели к тому, что языковой знак, взятый вне зависимости от степени его абстрактности, как впрочем и весь язык в целом оказались лишены оснований, поскольку для того что они высказывают, ни в физическом, ни в психическом бытии, ни в мире вещей, ни в мире идей, нет и не может быть адекватно указано никакого однозначного элемента.

По сути, одним из первых, и более того возможно единственным, среди сторонников эмпиризма, кто обратил на это внимание был Беркли, когда анализируя отношение языка и познавательной деятельности, он сделал утверждение о том, что положение, согласно которому «...каждое имя имеет или должно иметь только одно точное и установленное значение, что склоняет людей думать, будто существуют известные абстрактные *определенные идеи*, которые составляют истинное и единственно непосредственное значение каждого общего имени, и будто через посредство этих абстрактных идей общее имя становится способным обозначать частную вещь»¹⁵, является некорректным, поскольку «...в действительности вовсе нет точного, определенного значения, связанного с каким-либо общим именем, но последнее всегда безразлично обозначает большое число частных идей...»¹⁶. В некотором смысле берклианский анализ был также немного позднее поддержан и Юмом, полагавшим, что общая, или абстрактная, идея и природа идеи несовместимы, поскольку здесь явно усматривается *contradiction in adjective*, то есть противоречие в терминах, а именно, допущение возможности того, чтобы одна и та же вещь и существовала, и не существовала. Иными словами, *если бы впечатления были восприняты без определенной степени их качества и количества, то они одновременно и были бы, – поскольку это есть исходная посылка, – и не были бы, – так как, согласно Юму, без определенной количественной и качественной характеристики впечатления существовать не могут, – восприняты*¹⁷.

Опираясь на все эти положения, Беркли утверждает, что всякая действительность – как психическая, так и физическая, – есть по своей сути конкретная и индивидуально определенная действительность, а, следовательно, для ее корректного созерцания, необходимо прежде всего избавиться от ложного и обманчивого, а точнее, «абстрактного» характера языкового знака, поскольку «...общность состоит... не в безусловной положительной природе или понятии чего-нибудь, а в отношении, которое она вносит в обозначаемые или представляемые ею частности, вследствие чего вещи, названия или понятия, будучи частными по своей собственной природе, становятся общими...»¹⁸. Таким об-

¹⁴ Гоббс Т. О теле // Сочинения в 2 т. – М., 1989. – Т. 1.

¹⁵ Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания // Сочинения. – М., 1978.

¹⁶ Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания // Сочинения. – М., 1978.

¹⁷ Юм Д. Трактат о человеческой природе // Сочинения в 2-х т. – М., 1995. – Т. 1.

¹⁸ Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания // Сочинения. – М., 1978.

разом, освобождаясь от иллюзии «...будто язык не имеет иной цели, кроме сообщения наших идей, и будто каждое имя, что-либо обозначающее, обозначает идею...»¹⁹, поскольку «...одно дело, связывать ли имя постоянно с одним и тем же определением, и другое дело, обозначать ли им постоянно одну и ту же идею; первое необходимо, второе бесполезно и невыполнимо...»²⁰, Беркли призывает *очистить по возможности мышление от языка*, освобождая тем самым первые принципы знания от затруднения и обмана используемых для его выражения знаков²¹, отсюда, как следствие, любое исследование оснований знакового мышления должно опираться в первую очередь на критику языка.

Интересным и отчасти неожиданным в этой связи оказывается то, что эта радикальная критика языка, если подвергнуть ее более тщательной реконструкции, опосредованно содержит и критику самого сенсуалистического идеала познания, на который она собственно и опирается. Следует отметить, что эволюция от Локка к Беркли позиций эмпиризма в отношении проблемы языка дает возможность выявить и проследить столь необычную метаморфозу. Так, в частности, если Локк полагал, что язык подтверждает его основные представления о познании, и в этой связи рассматривал язык в качестве аргумента, подкрепляющего его тезис, согласно которому в рассудке нет ничего, что бы прежде того не прошло через чувства, то в отношении Беркли правомерным оказывается утверждение о том, что для основной и существенной функции знака – обеспечения когнитивной деятельности субъекта – в сенсуалистической системе вообще нет места, поскольку в целях сохранения самой сути этой системы нет другого средства, кроме отрицания и исключения данной функции. Иными словами, структура такой знаковой системы, как язык, перестает использоваться в качестве средства, сопровождающего и проясняющего структуру познания, так как трактуется исходя из противоположных принципов и в соответствии с другими целями, а именно язык понимается теперь как нечто весьма далекое от того, чтобы содержать в себе даже относительную истину, поскольку в самой его структуре усматривается то, что позволяет демонстрировать истинные формы любого рода предметностей лишь в своеобразном, а иногда и весьма серьезном, искажении. Таким образом, именно в рамках берклианского проекта эмпиризма оказывается отрефлексировано положение, согласно которому все то, что имеется в качестве наличного содержания сознания, неважно психологического или чисто логического, дано в некотором вполне определенном описании, которое имплицитно содержит ссылку на перспективу, выступающую своего рода призмой, посредством которой рассматривается мир, тем самым постепенно начинает осознаваться необходимость исследования языка как первичной системы дескрипции и референции, что, в свою очередь, найдет интересное продолжение уже в логическом эмпиризме, а, если быть более точным, в его наиболее поздних аналитических версиях²².

Итак, общая тенденция эмпиризма, заключающаяся в стремлении к тому, чтобы заменить логическую и метафизическую точку зрения, с которой до этого преимущественно рассматривалось отношение языка и мышления, чисто психологическим подходом, принципиально не устраивала рационализм, истолковывающий мышление как систему познавательных способностей, преломляющихся через призму тех форм и методов, в которых они себя проявляют. При этом термином «идея» в эмпиризме принято обозначать «...все, что является объектом мышления...»²³, что существенно меняет его классическую трактовку, которая в большей степени заостряет внимание именно на онтологической составляющей данного термина в ущерб собственно гносеологической, то есть исходит из понимания идеи как некой самосушей реальности. Отсюда, безусловно, позиции рационализма и эмпиризма предполагают систематическое противоречие, поскольку если, с одной стороны, идея понимается в ее объективно-логическом, а с другой – в ее субъективно-психологическом смысле, то это значит, что в рационалистской трактовке разложение всего содержания сознания на его простые, а точнее далее неделимые, идеи и их последующее обозначение подразумевает восхождение к последним и общезначимым

¹⁹ Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания // Сочинения. – М., 1978.

²⁰ Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания // Сочинения. – М., 1978.

²¹ Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания // Сочинения. – М., 1978.

²² Данто А. Аналитическая философия истории. – М., 2002.

²³ Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Сочинения в 3 т. – М., 1985. – Т. 1.

принципам познавательной деятельности, в то время как эта же самая процедура, истолкованная в соответствии с ключевыми эмпиристскими постулатами, оказывается эквивалентна выведению всех сложных ментальных структур из непосредственной данности внутренних и внешних чувств, то есть непосредственно из элементов ощущения и рефлексии²⁴, хотя появившиеся позднее весьма нетривиальные контраргументы и среди них, в частности, отстаиваемый Бергсоном, заключающийся в том, что «...влияние языка на ощущения глубже, нежели обыкновенно думают...»²⁵, в какой-то мере ослабил убедительность некоторых излишне догматично выстроенных постулатов эмпиризма.

Список литературы

1. Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить. – М., 1991.
2. Бергсон А. Непосредственные данные сознания // Творческая эволюция. Материя и память. – Минск, 1999.
3. Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания // Сочинения. – М., 1978.
4. Блумфилд Л. Язык. – М., 2002.
5. Бирюкова Н.Б. Логическая мысль во Франции XVII – начала XIX столетий: Французские предвосхищения идей математической логики. – М., 2006.
6. Гоббс Т. О теле // Сочинения в 2 т. – М., 1989. – Т.1.
7. Гоббс Т. О человеке // Сочинения в 2 т. – М., 1989. – Т.1.
8. Гудмен Н. На пути к конструктивному номинализму // Факт, фантазия и предсказание. – М., 2001.
9. Данто А. Аналитическая философия истории. – М., 2002.
10. Декарт Р. Рассуждение о методе // Сочинения. – СПб., 2006.
11. Делёз Ж. Логика смысла. – М., 1995.
12. Делёз Ж. Различие и повторение. – СПб., 1998.
13. Деррида Ж. Письмо и различие. – М., 2007.
14. Кристева Ю. Σημειωτική. Исследования по семанализу // Избранные труды. – М., 2004.
15. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Сочинения в 3 т. – М., 1985. – Т.1.
16. Лейбниц Г.В. Новый опыт о человеческом разумении // Сочинения в 4 т. – М., 1982. – Т. 2.
17. Пап А. Семантика и необходимая истина: Исследование оснований аналитической философии. – М., 2002.
18. Хомский Н. Вопросы теории порождающей грамматики // Философия языка / Ред.-сост. Дж. Сёрль. – М., 2004.
19. Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли. – М., 2005.
20. Юм Д. Трактат о человеческой природе // Сочинения в 2-х т. – М., 1995. – Т.1.

OPPOSITION OF RATIONALISTIC AND EMPIRISTIC LINGUISTIC-PHILOSOPHICAL PROJECTS OF NEW TIME

A. V. Nekhaev

*Omsk tank engineering
institute after P.K. Koshevogo*

*e-mail:
A_V_Nekhaev@rambler.ru*

The article presents the detailed analysis of the bases of opposition of rationalistic and empiristic linguistic-philosophical projects, and discusses the influence of their ideas on a problem field of the modern philosophy of language.

Key words: rationalism, empiricism, language, thinking, linguistic philosophy.

²⁴ Гоббс Т. О человеке // Сочинения в 2 т. – М., 1989. – Т. 1.

²⁵ Бергсон А. Непосредственные данные сознания // Творческая эволюция. Материя и память. – Минск, 1999.